

В. Гайдуков

Тверской государственной университет

В. Осипов

Академия политической культуры, г. Тверь

РОЛЬ ЭЛИТНЫХ ГРУПП В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

Как показало рассмотрение проблемы регионального политического интереса (РПИ) на заседании интеллектуального клуба «Тверь третьего тысячелетия» (ИК «ТТТ») (январь 1998 г.), основные тезисы аналитиков сводятся к следующему.

РПИ связан с формированием регионального политического пространства мобилизационного типа, основанного на потребности в преодолении состояния идейно-волевой прострации в стране и ориентированного на модернизацию экономических и других отношений в регионе, а также отношений «центр-регион» и «регион-регион», трансформацию российского федеративного устройства, развитие экономического институционализма регионов, связанного с территориальным обобществлением производства, формированием территориального воспроизводственного звена, интереса по поводу механизмов регионального воспроизводства, а также регионального экологического интереса.

Диалектика РПИ состоит в том, что, с одной стороны, его объективные основы выявляются при формировании статусных характеристик субъекта Российской Федерации в системе региональной политики, формирования экономического институционализма региона, а, с другой стороны, он конструируется и формируется региональными элитами: научными, политическими, культурными. Он формируется в политической среде, связанной с падением статуса и авторитета партий и движений, созданных в Центре, а также со специфической мобилизационной политической ситуацией.

РПИ является инструментом и формой выражения объективных интересов региона в экономической, социальной, культурной сферах и обусловлен социальной структурой региона, существованием региональных групп интересов и давления, появлением феномена региональной политики, как выражения РПИ, экономического институционализма регионов, связанных с соответствующим типом политиков.

РПИ материализуется в структуре управления регионом, его административно-хозяйственной системе, региональном законодательстве, способах взаи-

модействия региональных групп интересов и давления, договорах «центр-регион» и «регион-регион», федеральных и региональных программах приватизации, социально-экономического и культурного развития региона, законодательных инициативах региона в Центре, способах координации лоббистских групп, действующих в Центре в интересах региона, способах и формах представления интересов региона в центре и других регионах, способах работы региона с естественными монополиями в экономике и др.

РПИ проявляется в политической культуре и политическом стиле региона, оппозиционных идеологическому и политическому монополизму Центра.

РПИ связан с региональной геоэкономической стратегией доступа к ресурсам развития, идей выявления и мобилизации в целях социально-экономического и культурного развития региональных ресурсов, а также привлечения ресурсов Центра и других регионов, приведения административно-хозяйственной системы региона в соответствие со стратегиями мобилизационного развития, геоэкономическими стратегиями регионального институционализма.

РПИ возникает в связи с вопросами, инструментами, механизмами консолидированного лоббирования геоэкономического интереса региона в Центре и других регионах. Подобное лоббирование является ядром формирования РПИ. В периферию его образования входят вопросы выражения культурной идентичности региона, его историко-культурного сознания, связанного с геоэкономическим сознанием.

РПИ связан с вопросами технократического лидерства региона, с идеями территориальных экспериментов в социально-экономической сфере и геоэкономических отношениях с целью развития экономического институционализма региона.

Существует также некий пороговый размер инвестиционно-кредитного рейтинга, геоэкономического капитала региона, консолидированного в системе финансово-промышленной кооперации, необходимый для адекватного выражения РПИ, развития экономического институционализма региона.

РПИ может обретать идеологическую форму в случае включения защитных механизмов регионального самосознания территориальных общностей по разным причинам, в том числе в связи с вопросами социально-экономической безопасности и национальной целостности, а также в случае необходимости выражения социально-экономических интересов региона в национальном, а также глобальном масштабе, развития геоэкономических отношений.

РПИ связан с национальной идеей по формуле: РПИ - это национальная идея, умноженная на фактор «региональности» и способы «полевого» формирования национальной идеи по горизонтали. Характер национальной идеи может обрести федералистская идея, т.е. идея совершенствования и развития российского федерализма как формы и функции государственных и общественных

отношений, включая геоэкономические отношения, формирования не только административно-территориального, но и функционального самоопределения регионов, связанного с их экономическим институционализмом, ролью и местом в системе геоэкономических отношений, на геоэкономическом «атласе» страны. Существуют два типа РПИ - референтный (позитивный) и нереферентный (негативный) по отношению к общенациональному интересу, т.е. направленный либо на действие по укреплению национальной геоэкономической целостности, федеративного суверенитета и идентичности, либо на деструктивные действия.

Дополнительное обобщение материалов упомянутого выше заседания ИК «ТТТ» показывает:

Формирование РПИ как интереса территориальной общности и субъекта Российской Федерации имеет несколько уровней: экономический, связанный с развитием геоэкономических отношений федерализма, нахождением форм и методов лоббирования регионального социально-экономического интереса в экономических системах федерального Центра и других регионов; политический, связанный с мерами по дополнительному представлению интересов региона в политических системах Центра и других регионов, наличием фактора геоэкономической конкуренции и «войн», политических «торгов» регионов в борьбе за федеральные ресурсы, острых проблем федеративного устройства государства и региональной политики Центра и соответствующих геоэкономических алгоритмов их проявления, необходимостью создания новой парадигмы федерализма; идеологический, связанный с формированием систем «идеологического лоббирования» интересов региона, развитием региональных общественно-политических движений, связанных с проблемами федерального устройства, развитием новой парадигмы федерализма, геоэкономических подходов к развитию внешнеэкономических связей регионов и др.

Необходимость дополнительных усилий по представлению региональных интересов в политической системе центра и политических системах других регионов обусловлена:

- несовершенством российского федерализма, неудовлетворенностью регионов его социальной «незавершенкой» и необходимостью его дальнейшей трансформации от формального к реальному,
- чрезмерной этнизацией государственности, чреватой сепаратизмом, появлением «мятежных территорий», угрозой потери целостности страны и связанной с этим необходимостью «региональной революции» в старорусских регионах России, как антипода «региональных революций» в архаично-агрессивных регионах (типа «чеченской», «татарстанской» и т.п.);
- появлением существенного неравенства регионов, иерархического федерализма, «федеративной знати», приводящим к фактическому неравенству граждан России;

- несправедливостью присвоения более широких полномочий одними регионами (особенно национальными) без передачи таких же полномочий другим регионам;
- необходимостью регионально-политической постановки проблем функционирования эффективной федерации и федерализма не только как формы, но и функции социально-экономического развития, связанной, например, с обеспечением прозрачности, рациональности и справедливости в межбюджетных отношениях и отношениях собственности, развитием геоэкономических отношений, поиска форм политического взаимодействия регионов и Центра, обеспечивающих построение справедливой, неиерархической федерации, сбалансированного федерализма и противодействия нарушению его конституционных принципов;
- необходимостью преодоления негативных сторон геоэкономических отношений в России, связанных с факторами внешних эффектов деятельности одних регионов, характером их взаимодействия с федеральным Центром, негативно проявляющихся в других регионах.

Референтный РПИ связан с апеллированием не только к экономическим и политическим ролям региона в федеративном целом, но и к культурно-политическим ролям, в частности, к ролям региона-«посредника» в политических «тор-

гах»: между регионами и Центром, а также идеологического «центра» демократического сбалансированного федерализма. Потребность в таких «посредниках» и «центрах» существует в федеральных структурах власти. Она связана с созданием общей политико-культурной основы и идеологических ресурсов для начала диалога о реальном равноправии субъектов Федерации. Федеральный Центр объективно заинтересован в переводе ряда острых проблем федерализма и региональной политики из политического плана в план политической культуры, а также геоэкономической культуры. Это, в частности, связано с тем, что Центр испытывает большие затруднения в политическом решении национального вопроса, который более решительно и оптимально может быть поставлен титульными регионами «посредниками» без усугубления центробежных тенденций.

РПИ в идеологической форме может формироваться в «старорусских» регионах в связи с включением защитных механизмов регионального самосознания из-за неполучения льгот и полномочий, сопоставимых со льготами и полномочиями национальных регионов, а также негативной геоэкономической конкуренции регионов. При этом историко-культурное сознание и ценности регионов, включая экологические, могут быть использованы как средство политической мобилизации и легитимизации региональной власти.

Пока «старорусские» регионы еще не сформировали «идеологическое кредо» в своих РПИ, в отличие от ряда национальных и «новорусских» регионов. Но если последние формируют свои РПИ через противостояние ценностям

общенациональной целостности и федеративного суверенитета на основании неких глобальных ценностей, то «старорусские» регионы могут формировать свои идеологизированные РПИ только через апелляцию к интересам целостности России, идеям солидарной безопасности в рамках общенационального целого, многоцентрия в единстве. Это не исключает возможности апеллирования к глобальным интересам и ценностям, обеспечивающим развитие общенациональной целостности, например, к вопросам геоэкономики, создания высоких геоэкономических технологий в рамках систем технократического лидерства регионов. В целом ареал «старорусских» регионов, исходя из его консолидированного места на геоэкономическом атласе страны и мира, может стать социальной базой для формирования новой парадигмы эффективного демократического федерализма, его инициативно-конструктивной частью, позволяющей преодолеть девиантное, нереперентное национальной целостности политическое поведение других регионов.

Основные идеологемы, связанные с формированием РПИ в России, следующие:

- идея технократического лидерства, связанная с проработкой моделей эко-номических экспериментов и территориальных административно-хозяйственных систем, обеспечивающих воспроизводственное звено региона; созданием их концептуально-идеологических оснований;
- идея использования средств историко-культурной интеграции региона, содействия развертыванию символов регионального историко-культурного сознания на общенациональном уровне;
- рассмотрение региональной политической культуры и политического стиля как контркультуры по отношению к федеральному центру, обоснование права на «контркультурный» эксперимент;
- признание рядом регионов за собой древнего исторического происхождения и статуса наследников известных в российской истории государственных образований титульных регионов российского суперэтноса; рассмотрение символов историко-культурного сознания регионов как ценностей, которые дают преимущество в общемировом соревновании, наряду с экономическими и геоэкономическими ценностями;
- рассмотрение идейных ценностей региона в системе не только национального федерализма, но и «глобального», а самого региона, как субъекта истории не только в национальном плане, но и в глобальном плане;
- использование концепции региона не только как административно-территориальной единицы, но «ячейки культуры и традиции», способной к мобилизации «тысячелетних» культурно-идейных ценностей региона;
- мобилизация «тысячелетних» идейно-культурных ценностей регионов в рамках двух альтернативных идей: деэтнозированной идеи «титульного

государствообразующего региона (территории) России» и идеи «титularyного государствообразующего этноса (нации)»;

- идея реформистского авангардизма региона, создания опережающих реформаторских стратегий по отношению к Центру и другим регионам и систем экономического институционализма региона.
Возможные идеологемы Тверского регионального политического движения включают в себя следующие:
- идеологема трансформации и укрепления российской государственности как реального сбалансированного демократического федерализма, преодоления социальной «незавершенки» федерализма, развития соответствующих переходных технологий, включающих эксперименты в экономике, праве и т.п.;
- идеологема технократического лидерства региона, интеллектуализации управления им, мобилизации геоэкономических и историко-культурных ресурсов в программах развития региона, создания российского самобытного типа экономических и организационно-управленческих отношений в регионе («верхневолжской модели»), использования идей Тверской области как единой финансово-промышленной корпорации, геоэкономического «монолита», развития Тверского регионального экономического институционализма;
- идеологема мобилизации ресурсов «героической истории» Тверского региона, его исторического пассионарного вклада и заслуг в развитии российской государственности, как «титularyного» старорусского региона с «тысячелетней историей», носителя традиций культурно-политического лидерства в общенациональном масштабе и наследия известных в российской истории государственных образований: Тверского княжества и Верхневолжской Руси, формирование культа героических личностей региона, входящих в «энциклопедию» общенационального духа;
- идеологема полной референтности интересов Тверской области интересам федеральной целостности, суверенитета, безопасности, претензия на более адекватное выражение общенациональных интересов, чем другие регионы, через политическую и идеологическую оценку их действий, а также на статус региона «посредника», идеологического центра и лоббиста сбалансированного федерализма, развития федеративной идентичности;
- идеологема дальнейшей трансформации российского федерализма в интересах всех регионов, развития федерализма не только как формы государственного устройства, но и как экономической и культурной функции с целью преодоления неравенства федеративных отношений, создания системы социально-экономической интеграции России, как составной части федерализма;

- идеологема Тверского региона как субъекта глобального федерализма, т.е. системы взаимной ответственности регионов за состояние российской государственности, титульного носителя исторической традиции укрепления федерализма и соответствующей ответственности;
- идеологема отношения к Тверской истории, символам Тверского историко-культурного сознания, как к ценности, которая дает преимущество в общемировом соревновании;
- идеологема создание политической контркультуры по отношению к политической культуре и стилям ряда национальных и других регионов России, направленных на ослабление общенациональной целостности и федеративного суверенитета и идентичности;
- идеологема особой геоэкономической роли Тверского региона в российской и глобальной геоэкономических системах.

В качестве важнейших особенностей выборов в ЗС Тверской области может быть отмечено:

Банкротство «московской» многопартийности в регионе. Политические партии и движения, созданные в Центре все более перестают быть объектом политического инвестирования со стороны населения области. Последнее с недоверием относится к строительству политических «пирамид», создающих фиктивный политический капитал и предлагающих электорату «кусочки синего неба»: Возникает своего рода социально-политический мораторий на их идеологические ценности, плохо вписывающиеся в вопросы повседневности регионов. Скорее всего, это связано с общественным восприятием партий как своего рода сублимированных форм гражданской войны, борющихся по принципу «за» или «против», а не «для». Это противоречит интересам консолидации регионов, связанных с решением проблем повседневности. С другой стороны, принцип многопартийности и сами партии по своей природе явно не отражают особенностей национальной правовой цивилизации и политической культуры, своеобразно проявляющейся и все более заявляющей себя в российских регионах, особенно «старорусских». Наблюдается разрушение политического пространства в Центре и связанного с ним политического «языка», моральное устаревание ценностей, заявляемых централизованной многопартийностью, которая не отражает злободневных проблем российского федерализма.

В выборах в ЗС Тверской области особенно ярко проявилось своего рода соревнование, конкуренция между политической институционализацией («политическим предприятием») губернаторской (в целом исполнительной) власти и власти представительной. Это, в частности, проявилось в попытках сформировать некий обобщенный интерес региона, монополизировать разработку устава области как главного законодательного акта региона, отражающего его идентичность, прояснить правовые условия вхождения в ЗС глав муниципаль-

ной исполнительной власти, сформировать существенно отличающиеся концепции взаимодействия области с федеральным центром (два разных подхода к пониманию проблем федерализма) и с местным самоуправлением, а также концепции деятельности органов исполнительной власти, в частности, в связи с управлением госсобственностью.

Впервые были применены в выборах политические лозунги - «Партия Тверской области», «За Тверскую региональную политику» - и началось своего рода соревнование за адекватное объективирование регионального политического интереса не только среди политиков, но и среди политологов.

Начала формироваться система интеллектуализированной региональной «политической игры», связанная с появлением профессиональных политических консультантов, зачатков экспертных сетей, способных в дальнейшем облегчить или затруднить политическую адаптацию ЗС.

Все это позволяет выявить ряд тенденций развития политической системы и политической культуры региона:

В области формируется социальный запрос на зрелую идентичность региона, в том числе на развитие самого региона как «политического предприятия». Повышается политическая мобильность региона в политическом пространстве. Локус его контроля смещается с внешних сил на внутренние силы и ресурсы. Возникает потребность в новых формах социализации (адаптации, приспособления) региона к среде и соответствующее развитие средовой потребности региона, т.е. потребности в самостоятельно организованной среде повседневной жизни, в создании динамического равновесия между включенностью и обособленностью в макросреде. Образуется политическое рассогласование между средовой потребностью области (включая степень развитости и справедливости федеральных отношений) и централизованной политической структурой, включая партии и другие институты, предлагаемой для ее удовлетворения. Политический интерес региона концентрируется не на партиях и движениях Центра, а на злободневных проблемах государства и федерализма, которые не освоены политически и идеологически ни одной партией или движением. «Белые пятна» проблем федерализма, национальной правовой цивилизации начинают концентрировать региональный политический интерес значительно сильнее, чем проблемы многопартийности, и могут сформировать особую эклектическую идеологию, имеющую большие электоральные предпочтения. Из регионов яснее видна институциональная несостоятельность российского федерализма, диффузия института федерализма, не отражающая потребностей и механизмов регионального воспроизводства и приводящая к несостоятельности российской экономики.

Формируется потребность в новых политических инвестициях, не связанных с партиями и движениями, формируемыми в Центре. Скорее, сами органы власти региона становятся самостоятельными и непосредственными объек-

тами политического инвестирования как «политические предприятия». На это указывают и политические парадоксы, связанные с выборами губернатора области на фоне выборов в Госдуму, свидетельствующие об эклектизме идеологических предпочтениях электората области.

В регионе начинает формироваться альтернативная политической системе Центра региональная фракционная политическая система и обусловленные ею модели политики. Они связаны с конкурентными усилиями и взаимодействием различных групп социально-политических интересов, влияния и давления, в частности проявивших себе в Центрах избирательной активности при выборах в ЗС области, действовавших по неформальным принципам и выдвигавших своих элитных представителей для участия в избирательной компании. В рамках фракционной модели политики возможно формирование механизмов институционализации регионального политического интереса, обусловленного формами институционализации геоэкономического интереса региона. Под воздействием геоэкономических интересов регион может начать формироваться как «воображаемая общность», своеобразная сословно-подобная социальная масса, т.е. социальная группа, временно выступающая как сословная общность, не имеющая признаков сословия, как «сословие на бумаге» при взаимодействии с федеральным центром и другими регионами. Во фракционной политической системе, «завязанной» на органы государственной и муниципальной власти, политический раскол идет не по «горизонтали», а по «вертикали», отражающей условия функционирования и взаимодействия различных элитных групп. Политический конфликт обретает форму конфликта между региональными фракциями, связанными с борьбой за ресурсы, власть, статус. При этом происходит накопление объективированного политического капитала в различных организациях региона, сетях промышленных, торговых, финансовых предприятий, в определенном смысле независимое от электорального санкционирования и связанное с лоббистскими механизмами проявления и реализации интересов, стратегиями не прямого, а опосредованного политического доминирования.

Фракционная модель политики может выражаться в конкуренции различных профессионально-управленческих групп, отражающих различные технократические концепции развития региона, формирования его экономического институционализма, связанного с материализацией политического капитала региональных фракций в различных организационно-управленческих архитектурах, системотехнических платформах организационно-экономических процессов в регионе, средствах мобилизации ресурсов развития, учитывающих геоэкономические интересы региона. При этом может формироваться особый жизненный цикл региона как «политического предприятия», которое может автономно производить политические символы и смыслы, учитывающие особенности национальной правовой цивилизации и политической культуры.

Возникает потребность в формировании и развитии концепций политического интереса региона, как одной из подсистем, контуров, институтов, обеспечивающих удовлетворение потребности общности в социальной безопасности и, соответственно, в формировании особых региональных политических документов, отражающих совокупность официально принятых взглядов на цели и государственно-общественные стратегии социализации региона, формирования его регионального политического интереса, направления и принципы государственно-общественной политики региона, способные стать основой для разработки конкретных программ и документов в области обеспечения регионального развития.

В целом политический «аудит» деятельности ЗС старого состава, его взаимодействия с исполнительной властью, а также выборов в ЗС нового созыва показывает:

В области пока не возникла система разделения политического труда и связанная с ней система политической культуры, производные от общего объема экономического и культурного капитала, накопленного регионом и способные выходить за пределы повседневного в преследовании различных рентных выгод региона через интеграцию его «рассеянного разума» и капиталов.

Не произошла институционализация консолидированного политического интереса региона в его политической системе и системе политической культуры, в частности в региональных экспертных сетях, структурах цивилизованного лоббизма и политического консалтинга, а также в системе собственного духовно-идеологического производства региона, автономной от других центров идеологического производства, хотя предпосылки такого производства уже формируются под углом зрения концепций регионального политического интереса и экономического институционализма региона. Тем не менее, политические лозунги типа «Партия Тверской области» и «Тверская региональная политика», прозвучавшие на выборах в ЗС области, пока не обеспечены соответствующей институциональной средой и закреплённостью. Создав определенный успех на выборах в ЗС, они не привели пока к образованию единого регионального «политического предприятия».

Не сложилась в полной мере система объективированного политического капитала региона, автономная в определенном плане от электорального санкционирования и обусловленная механизмами деятельности региональных элитных групп, групп влияния и интересов, связанных с ними систем лоббизма, политического консалтинга, экспертных групп, способных незамедлительно готовить ответ на стратегические требования, вытекающие из логики политического и геоэкономического интереса региона. Все это обуславливает слабость единой политической воли региона. Своеобразным индикатором вышесказанного является то, что договорно-правовая практика между РФ и областью, связанная с

разграничением полномочий и предметов ведения, начатая два года назад, до сих пор не наполнена реальным содержанием, о чем свидетельствуют высказывания политических лидеров области.

Институциональная рыхлость и аморфность политической, политико-культурной и экономической системы региона, а также их переходный и нестабильный характер, значительно затрудняют решение проблемы политической адаптации ЗС области. Вопрос осложняется рядом обстоятельств. Во-первых, в регионе отсутствует законодательно предусмотренная система преемственности деятельности ЗС, например, через двухэтапную систему ротации состава ЗС, через включение в ЗС представителей муниципальных органов власти и т.п. Во-вторых, у губернаторской (в целом исполнительной) власти появляется определенная временная политическая фора в плане ее деятельности как центра притяжения региональных элит в случае продолжения конкуренции и конфликта двух ветвей власти. В-третьих, существует проблема личной политической и психологической адаптации вновь избранных организационных лидеров ЗС из-за особенностей их предыдущей профессиональной деятельности. Успех политической адаптации нового состава ЗС обусловлен в значительной степени двумя условиями: использованием преемственности в деятельности вновь избранного органа, а также развитием системы политической культуры в области как механизма взаимодействия элитных групп.

Политическая преемственность ЗС может быть связана со следующими факторами:

- наличием оптимальной системы ротации состава ЗС;
- наличием стабильно действующих партий и движений как носителей политической культуры;
- существованием развитой системы политической культуры: т.е. политического консалтинга, цивилизованного лоббирования; информационных центров «общего пользования», отражающих региональную проблематику; экспертных сетей двух типов, позволяющих, во-первых, влиять на изменение социально-экономической реальности в регионе, а во-вторых, на восприятие этой реальности;
- наличием выработанного общего регионального политического и политико-культурного языка, идеологического консенсуса в регионе, связанного с политизацией вопросов управления регионом, стимулированным развитием экономического и политического институционализма региона как механизмов связи и взаимодействия региональных элитных групп;
- наличием собственных систем «публик рилейшн» ЗС области, а также механизмов скоординированной и долговременной работы на уровне политической культуры политических консультантов и лоббистских систем с депутатским корпусом ЗС;

- наличием в регионе публичных механизмов конценрации общественного интереса к тем или иным звеньям политической и управленческой системы региона через общественные конкурсы и т.д., позволяющих объективировать политический и культурный капитал в различных организациях региона, сетях промышленных, торговых, финансовых предприятий региона, связанных с ними элитных группах (фракциях);
- наличием систем обучения «команд» кандидатов в депутаты, а также вновь избранных депутатов по вопросам регионалистики, региональной политологии, региональной ресурсологии, политической культуры. Практически полное отсутствие в регионе фактора стабильно действующих партий и движений усиливает роль других факторов политической адаптации ЗС.

Некоторые меры к созданию организационной системы политической преемственности и адаптации нового состава ЗС были предприняты руководством прежнего состава ЗС, в частности, через публичные отчеты об итогах деятельности прежнего состава ЗС и попытку сформировать в них концепцию и стратегию будущей законодательной работы, предложить некий единый политический язык через понятие «региональная политика». С другой стороны, организационными лидерами прежнего состава ЗС в силу ряда причин не были предприняты шаги к развитию системы цивилизованного лоббирования и политического консалтинга при законодательной власти. Это было связано, во-первых, с особенностями начального этапа становления деятельности ЗС, и, во-вторых, с наличием высокой юридической квалификации и своего рода монополии на подготовку законопроектов у одного из организационных лидеров ЗС, а также его попытками односторонне монополизировать вопросы политизации деятельности ЗС. Это сдержало развитие лоббистских механизмов формирования законопроектов и развития соответствующей отрасли политической культуры ЗС.

Особенностью деятельности ЗС прежнего состава было также отсутствие развернутой системы «публик рилейшн» ЗС, узкая привязка этой системы к политическим целям не ЗС как органа власти, а ее отдельных организационных лидеров, что значительно усугубляло политические разногласия ЗС и другой ветви власти области, затрудняло решение вопросов политического развития и адаптации ЗС прежнего состава, вызывало нарекания, со стороны как элитных групп региона, так и электората, по сути деда поставивших вопрос о прекращении распрей представителей ветвей власти.

По ряду признаков ЗС нового созыва пытается при отработке стратегии развития областного законодательства использовать возможности некоторых политических консультантов, действовавших ранее в избирательной компании, а также оказать влияние на формирование и представление лоббистских интересов и, в частности, интересов промышленников и предпринимателей («группа 12-ти») через образование их союзов, способных обеспечить соответствующую законодательную дея-

тельность. (К сожалению, торгово-промышленная палата области, увлекшись вопросами конкретного бизнеса и слабо взаимодействуя с крупными промышленниками, пока не оказывает должного влияния на развитие политической культуры региона и, в частности, института цивилизованного лоббизма).

В деятельности ЗС проявляются также определенные механизмы опережающего предупреждения возможных конфликтов с исполнительной властью через изолирование некоторых «конфликтных личностей» в составе ЗС от ключевых постов и должностей. Попытка стимулировать развитие адаптивных возможностей ЗС через механизмы координации работы политических консультантов и лоббистов проявляются в деятельности АПК (г. Тверь), что отражено, в частности, в уставных документах ИК «ТТТ» при АПК. АПК также предприня-

ты попытки к созданию системы публичной концентрации общественного интереса к тем или иным звеньям политической и управленческой системы области через общественные конкурсы типа конкурса «Политик года», конкурса «Качество управления и бизнеса года» и т.п., позволяющих объективировать накопленный политический и культурный капитал организаций, промышленных, торговых и финансовых предприятий области и муниципальных органов власти. АПК также ведет работу, связанную с вопросами автономизации Тверского регионального поля идеологического производства под углом зрения концепции регионального политического интереса. В Твери предпринимаются и другие попытки к созданию центров профессионально занимающихся региональной политологией и политическим консалтингом, хотя вопросы их развития и поддержки еще не в полной мере понимаются региональными элитами.

На наш взгляд, система политической культуры региона включает: вопросы политологической экспертизы и оценки; развитие цивилизованного лоббизма; развитие политического регионального консалтинга; обучение и подготовку людей, занятых в системах политики и политической культуры, разработку вопросов идеологического консенсуса в регионе, а также регионального самосознания и историко-культурной идентичности; развитие механизмов привлечения общественного интереса к тем или иным звеньям политической, управленческой и административно-хозяйственной системы региона, на основе публичных конкурсов и других способов политико-культурного «разогрева» интереса к объективированному политическому и культурному капиталу в регионе и его общественной и корпоративной оценке; другие вопросы, включая различение политических ценностей и политических оценок (политическая аксиология). Развитие системы политической культуры - это формирование 2-го сектора политического институционализма региона, неполитическими средствами воздействующего на 1-й сектор, т.е. своеобразного рынка услуг независимого посредничества и консультирования, системы представительства и взаимодействия политических интересов. В Тверской области появились определенные пред-

посылки для развития 2-го сектора политического институционализма, прообразы соответствующих структур, позволяющих снижать уровень конфликтности и «рассеянной» политизации региона.

В целом проблема политической адаптации ЗС области, как и других публично избираемых органов власти, является проблемой адаптации в недостаточно институционализированной политической и экономической среде с точки зрения системы регионального политического интереса, а также вопросов разграничения политической системы и системы политической культуры региона. Возможными путями, направленными на улучшение адаптивных возможностей публично избираемых органов власти Тверской области через интеграцию интересов различных региональных фракций (конкурирующих элитных групп), могут быть следующие:

- осознание, формирование и развитие системы регионального политического интереса, фиксируемого в официальных политических документах органов власти и общественных организаций;
- развитие экономического институционализма региона, отражаемого в региональной системе законодательства и нормотворчества, а также законодательства и нормотворчества федерального центра, через взаимодействие региональных политических фракций, координацию лоббистских систем их действия.

Региональный экономический институционализм связан с реорганизацией административно-хозяйственной системы региона, механизмами концентрации геоэкономического интереса региона, региональными моделями институционализации отношений между государством и бизнесом, финансово-промышленной кооперации государственного и частного капитала, реструктуризации отношений госсобственности, образованием систем программируемого развития экономики на базе федеральных и местных программ, включая территориальные программы и организационные структуры антикризисного управления, заключением внешнеэкономических договоров региона с другими регионами, механизмами наполнения реальным содержанием договоров и соглашений региона с федеральным центром о разграничении полномочий и предметов ведения, в целом с системой действий, направленной на формирование новых геоэкономических отношений и положения Тверской области, более адекватно выражающих социально-экономический и политический интерес региона.

Экономический институционализм региона, имеющего депрессивный тип экономики, может развиваться только в тесной увязке с развитием политического институционализма региона, формированием его регионального политического интереса, регионального самосознания и идеологического консенсуса в регионе. О начале развития экономического институционализма региона свидетельствуют усилия, предпринимаемые Администрацией Тверской области по при-

нятию Федеральной целевой программы социального и экономического развития области с 1998г. по 2005г., созданию Верхневолжского Центра реконструкции и развития обеспечивающего реализацию федеральной программы.

Примечательны усилия Администрации муниципального образования Кувшиново (Тверская область) по поиску форм его экономической интеграции с частнохозяйственными системами и подходы, естественных монополий в области (Тверь-энерго, РАО «Газпром») по развитию экономического институционализма региона, обновлению ее хозяйственного уклада. В области явно начинается новый этап институционализации отношений государства и бизнеса, создание особого ресурса гибких форм их партнерства и институциональной ткани взаимоотношений, которые соответствуют оптимальным для демократической государственности и рыночной экономики формам социальной организации. Складывается основа системы взаимного представительства интересов государства и бизнеса, способная выражать консолидированные экономические интересы региона.

Политический и экономический институционализм региона связан прежде всего с развитием двух центров притяжения региональных элит и элитных групп - губернаторского и ЗС области. Оба центра власти могут развиваться только через создание некоего общего политического фона «большой задачи» области в федеративном целом.

В частности, губернаторским центром предложена идея эксперимента по налоговому и бюджетному законодательству в Тверском регионе. ЗС области старого созыва была предложена идея «Тверской региональной политики». Обе идеи общенно связаны с развитием моделей региональной социально-экономической безопасности, вопросами овладения регионом современными политическими технологиями. В ряде выступлений губернатора области прозвучала идея миротворческой миссии Тверского региона в федеративном целом, в частности, в связи с чеченскими событиями, идея формирования своего рода региональной миротворческой доктрины, создания субфедерального органа, обеспечивающего подобную доктрину и гарантирующего соблюдение конституциональных норм федерализма

Решение этих вопросов может ознаменовать переход от политического интуитивизма в региональном развитии к политическому концептуализму. Все это может сформировать общественный запрос на трансформацию старых и развитие новых механизмов деятельности региональных элит и элитных групп, связанных с развитием регионального и политического интереса, политического и экономического институционализма региона, способных повысить адаптивные возможности публично избираемых органов власти.

Особую роль в этом может сыграть также усиление роли органов местного самоуправления в политической системе региона, в частности в связи с вопросами принятия Устава области, а также реструктуризация системы исполнительной власти региона через формирование Правительства субъекта Российской Федерации.